

Ройнгольд Шульц

Вокруг «Аэрофлота»

Лычки

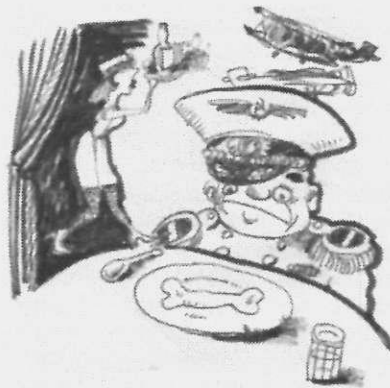
В аэрофлоте ввели новую форму одежды. Отныне все обязаны были ходить в только униформе. Вместо нарукавных нашивок появились погоны. Синий цвет неба, золотые пуговицы, погоны с лычками, галстук и фуражка преобразали человека. Званий в полувоенной гражданской авиации не было, все делились по занимаемым должностям и категориям. Что значат эти лычки на погонах, никто не знал, но все знали одно, больше лучше, шире лучше, чем больше. Одна широкая лучше четырёх узких. Единственным различием был цвет. Золотые погоны у летно-подъёмного состава. Серебряные у наземных служб. В полувоенной организации форму обязаны были носить все, даже пожарники и вооружённая охрана — сторожа. Форма вызывала уважение, обязывала быть опрятным, вежливым, корректным. Она дисциплинировала личный состав. Небо любили все, и в аэропорт устраивались по призыванию и любви. Техника серьёзная, надёжная требовала чёткости от всех.

Чтобы служба мёдом не казалась, авиация ставила строгие условия. Доверяй, но проверяй. В огромной стране каждую весну и осень по всем аэропортам вылетали комиссии для контроля по подготовке к весенне-летней или осенне-зимней навигации. Ведущие службы проверяли готовность подчинённых служб к наступающему сезону. Каждый проверял своих подчинённых. Электрики — электриков. Радисты — радистов. Бухгалтеры — бухгалтерию. Автомобилисты — весь автотранспорт аэропорта и т. д. Комиссию встречали очень уважи-

тельно. От состояния заключительного акта проверки зависели премиальные всех служб, а значит материальное благосостояние семьи авиаработников.

Путь к сердцу комиссии лежит через её желудок. Поэтому столовая аэропорта на время работы комиссии была закрыта на служебное обслуживание. Зал ремонтировали, украшали, как на свадьбу. Повара и официантки в белоснежных фартуках с лёгким шелестом носились по залу и волновались, как артисты перед премьерой.

Сразу, как только приземлились несколько самолётов АН-2 с членами государственной комиссии, начальник маленького районного аэропорта со своей свитой повел проверяющих в столовую. Весёлая, голодная ватага расселась за нарядными столами. Несмотря на морозы, на столах стояли букетики сушеной травы, подкрашенные разноцветной тушью. Зал празднично расцвёл в золоте и серебре от многочисленных погон, лычек, пуговиц и фуражек. Самые младшие специалисты имели полторы лычки, воздушные ассы — четыре, а возглавляющий комиссию зам министра республики одну широкую. Молоденькие деревенские официантки

растерялись от такого наплыва высокого начальства и побежали к своему начальнику:

— Кого кормить вначале? — спросила новенькая официантка.

— У кого лычек больше! — коротко ответил начальник. На столах выборочно появился горячий борщ. Застучали ложки по тарелкам. Многим уже принесли второе, а зам министра голодный сидел на самом почетном месте в гордом одиночестве. Все с интересом поглядывали на него и удивлялись, почему самого главного не обслуживают в первую очередь? У него тоже кончилось терпение, и он обратился к пробегающей официантке с вопросом:

— Девушка! А мне то, когда принесёте?

Официантка с презрением посмотрела на его погоны с одной лычкой и брезгливо ответила:

— Подожди! Начальство сначала!

Экипаж

Участников комиссии постоянно дёргали по телефону, отвлекали от служебных дел. Поодиночке и группами возвращались в столицу ведущие специалисты. Стреляные воробы выглядят по-особому. Главный инженер управления после авиакатастрофы остался жив, но с лётной работы списали по причине инвалидности. Он осел в кабинете управления и был незаменимый, знающий, отличный специалист. Не знающие его судьбу и боящиеся его подчинённые за его особую походку приклеили ему обидную кличку — «шлёп нога».

Главный бухгалтер был похож на артиста Крамарова, косою с детства, но лучший в городе специалист по цифрам. Баланс подведёт, комар носа не подточит. За что его и ценили.

Начальник отдела кадров тоже косил с детства, и выглядел дряхлым стариком, когда ковылял в лётной форме с палочкой, но на пенсию упорно не шёл. Держался за место и вершил судьбы подчинённых. Всех троих срочно вызвали в управление.

Бросив текущие дела, они с первым авиарейсом отправились домой. Пройдя регистрацию, весёлые пассажиры бодрым шагом шли по перрону аэропорта к стоянке самолёта. Возглавляли шествие служебные пассажиры, главный инженер, главный бухгалтер и начальник отдела кадров со своей клюшкой. Сопровождающая отдела перевозок особое внимание оказывала высокому начальству и совсем никакого остальным пассажирам. Пассажиры, присмотревшись к клетчикам, к этой форменной тройце стали отставать и остановились в растерянности.

— В чём дело товарищи? — спросила сопровождающая, оглянувшись. Пассажиры со страхом смотрели на впереди идущую компанию, косою, хромого и ковыляющего с палочкой дряхлого старика. Из толпы уверенный голос громко заявил:

— Мы лучше здесь останемся, но с таким экипажем не полетим!

Страшные истории

В ресторане аэропорта «Домодедово» обедали служебные командирочные.

Молодые ребята в лётной форме, со сверкающими погонами, надраенными пуговицами сидели за большим столом. Форменные фуражки с пропеллером на крыльях лежали под столом на сумках. Увидев в зале своих, к ним подсаживались новенькие.

Даже незнакомые чувствовали себя членами одной большой семьи. Командированные оказались из разных концов большого тогда Советского Союза, тем не менее, у всех нашлись общие знакомые. Решили это дело отметить, так сказать, «за дружбу». Заказали для аппетита столичную бутылочку. Стали вспоминать интересные дела.

Азарт рассказчиков разгорался, громкость была на пределе, смех компании потрясал весь несмелый зал. О чём говорят профессионалы, собравшись вместе, зависит от профессии. Врачи говорят о болезнях. Шоферы о машинах. Авиаторы об авиации. Насмеявшись вдолгую, перешли к страшнякам. Вспомнили погибших. Выпили за упокой. Сейчас в компании говорили тихо, но как ни странно каждое слово отчетливо долетало в притихшем зале до самого дальнего уголка. Присутствующие, наострив уши, пленговали каждый звук страшных историй.

Налив по последней, сдвинули посуду, «за тех, кто в воздухе!», и в это время их окружила группа захвата столичной милиции.

— Ваши документы? — вежливо приказала власть.

— В чём дело? — возмутились раздухарившиеся, неробкие авиаторы, встав, стенка на стенку.

— Имеем право, сидеть там, где хотим!

— Сидеть будете там, куда посадят! — бесцеремонно ответила любимая власть. — Пьёте перед полётами?

— Мужики! Мы в командировке! Мы не экипаж, летим по домам пассажирами. Чем в зале ожидания торчать лучше тут посидеть. Вот знакомых встретили, ещё есть время, можем себе позволить поднять бокал за дружбу.

— Вы тут гуляете в лётной форме, страшные истории вспоминаете об авиакатастрофах, а люди не разбираются. У кассы пассажиры билеты сдают. Очередь гудит, возмущается, говорят:

— В ресторане лётчики под столичную гуляют, а потом всякие страшные истории происходят. Мы с такими экипажами не полетим, лучше поездом.

Буфет

Буфет в аэропорту не выполнял план. Буфетчица горестно пожаловалась на судьбу своей подруге из отдела пассажирских авиаперевозок. Та объявила по радио задержку следующего рейса на неопределённо время. Все пассажиры дружно повалили в буфет и плотно поели, оставив после себя пустые прилавки. В это время по радио досрочно объявили посадку на все авиарейсы. Обрадованные пассажиры повалили на регистрацию, которая состоялась почти вовремя. Буфет досрочно выполнил месячный план.

Премия

После подведения итогов по соцсоревнованию выяснилось, что квартальную премию коллектив, пожалуй, не получит. До выполнения плана не хватало совсем немного, с гулькин нос. Пассажиров нет, мёртвый сезон — затишье. Как шкуру неубитого медведя эти ожидаемые восемьдесят советских рублей премии давно уже были распределены в уме каждого, и тут такая «кака!» Дружный коллектив отдела пассажирских перевозок небольшого аэропорта загрустил и задумался.

— Эврика! — обрадовано закричал молодой специалист.

Все уставились на него, «как на новые ворота».

— Эврика! — восторженно повторил молодой специалист ещё громче.

— Что кричишь? — спросил начальник.

— Я придумал! Чтобы выполнить план надо выкупить всего лишь несколько авиабилетов на любой даже самый короткий рейс. Деньги получит государство, управление выполнит план, мы получим премию! Всё простое гениально! — заключил он.

— Что-то не очень понятно? — Сказали те, кто смотрел, как на новые ворота.

— Наоборот, всё понятно! Давайте сложимся, и сами выкупим эти авиабилеты. По пятёрке потеряем, по восемьдесят приобретём! Идею дружно поддержали, тут же собрали необходимую сумму пожертвований, выкупили билеты и выполнили план. В конце года проверяющие министерства установили странность. Билеты на самолёт куплены, все пассажиры дружно прошли регистрацию, но потом так же дружно не явились на рейс. Рейс состоялся, самолет не взлетал, никуда не летел. В чём дело? Чудес в стране советов не бывает. Стали копать и докопались до беззакония. Обогащение за счёт не трудовых

доходов.

— Мы вас научим родину любить и честными быть! — счастливо потирали руки зловредные ревизоры, поднявшие со дна громкое дело. Дело передали карательным органам. Они завели уголовное дело. Всех перетрясли. Всех перессорили. Дружный коллектив стал не дружным и очень нервным. Работоспособность упала. Интерес к работе пропал, соцсоревнование угагло, премия стала ненавистной. Следующий квартальный план с треском провалился.

Голуби

В аэропорту на привокзальной площади от голубей не было житья. Птицы загадили здание аэровокзала, всю площадь, памятник вождю, даже самолёты, и влияли безопасность полётов. Командование поставило вопрос ребром, птиц извести, а как? Стрелять? Площадь круглые сутки полна пассажирами, да и по самолётам стрелять опасно. Отстрел отвели сразу, не гуманно, всё-таки голубь мира. Устроили конкурс идей.

Победил русский Ваня — любитель голубятник. Вопрос решил по-русски просто. Через сутки на площади не было не одного голубя, все они сидели в клетках Вани голубятника, а он получил обещанную премию от руководства и благодарность в приказе.

— Как же ты их изловил всех? — Допытывались любопытные командиры.

— Просто! — Просто сказал Ваня. — Накрошил в миску буханку хлеба, налил туда бутылку водки и скормил голубям, а через полчаса прошёлся по площади и собрал всех птиц в корзинки.

Везде так

Приказом по министерству гражданской авиации, во избежание несчастных случаев, попадание пассажиров под вращающийся пропеллер винтовых самолётов рекомендовано буксировать на взлёт-

ную полосу и там запускать двигатели. Сидя в аэровокзале, выпившие шоферы в ожидании своего рейса оживлённо спорили между собой, какие колёса у самолёта ведущие, передние или задние? Вдруг выглянув через огромное окно-витрину, они увидели, как буксировщик потащил самолёт по перрону к взлётной полосе.

— Смотри! — закричал изумлённый шофёр. — Ты нашей автобазой недоволен. В стране везде так! Вон даже самолёты с буксира заводят!

Служака

На досмотре пассажиров появился новенький дотошный милиционер, который заставлял пассажиров выворачивать карманы и вываливать содержимое сумок на стол. Если люди возмущались, он нахально совал, как в свою сумку, руку и ощупью контролировал содержимое даже у служебных пассажиров — авиаторов, позоря их перед очередью своим недоверием и показывая превосходство власти. Часто летавший по долгу службы авиатор решил проучить нахаала. Он бросил сверху в портфель обыкновенную катушку с нитками, проткнув её в нескольких местах иголками. На контроле строгий страж порядка велел открыть портфель и нагло сунул туда свою руку для ощупывания, но, больно уколовшись, вскрикнул и мгновенно сунул кровоточащий палец, в рот отсасывая кровь.

— Что это там, у вас? — заорал взбешённый милиционер.

— Катушка с иголками! — невинно ответил авиатор, чувствуя, что проучил рьяного служака.

Пёс

Стоянка самолётов Ан-2 охранялась ночью служебными собаками. Кавказские овчарки бегали вдоль стоянки по цепи на проволоке, а в плохую погоду укрывались в больших собачьих будках. Лохматые монстры, размером с теленка, нагоняла страх своим видом, а уж если зарычит, то у нарушителя сердце уходило в пятки, и он цепенел от страха. Только разводящий собаковод имел над ними власть. Никого больше они не признавали. Получив премию, авиатехники солидно обмыли это дело после работы по полной программе. Почти в полночь стали расходиться, но погода испортилась, моросил дождь. Дорога в авиагородок была дальняя: вокруг взлётно-посадочной полосы, а напрямик через самолётные стоянки

— рядом, за забором. Самый смелый решил сократить путь, пьяному море по колено! Утром, пришедшие на работу авиаторы с ужасом увидели, сидящего у своей будки и дрожащего, как щенок, всем телом мокрого сторожевого пса, а в его будке свернувшись калачиком и, высунув наружу голову в форменной фуражке, мирно спал авиатехник, и громко храпел на всю округу.

Красный вертолёт

По приказу командира авиаотряда, маленькую винтокрылую стрекозу срочно перекрасили в ярко красный цвет и передали в распоряжение Государственного пожарного надзора. На красном вертолёте пожарники летали на патрулирование лесных пожаров и в отдалённые населённые пункты для контроля противопожарных предписаний.

— Был бы объект, а нарушения мы найдём! — строго говорили инспекторы госпожнадзора и нагоняли страху местному руководству. Устранить предписание было невозможно, и начальнички откупались, кто, как мог — кто устраивал пикник, кто банкет, кто находил другие возможности. Маленький вертолёт МИ-1 приземлился на лугу у самой молочной фермы. Инспекторы и вертолётчик ушли в конторку. Долго ли, коротко сидели, но дело подошло к концу, все вышли на улицу, направились к вертолёту, и встали как вкопанные. Вертолёт не было! У всех отвисли челюсти и отнялись ноги. Никто не слышал, как заводили двигатель. Никто в округе не умел летать. Где красный вертолёт? На другом конце большого луга у обрыва над рекой грозно мычал огромный бык производитель — гордость всего района. Разгневанный цветом бык кантовал красный вертолёт по земле, кувыряя и переворачивая его снова и снова. Напоследок рассвирепев, поддал рогами и сбросил с обрыва в реку большую кучу цветного металлолома.

Шутник

Второй пилот Ан-2 обожал прикалываться к боязливым пассажирам. Дождавшись, когда начнётся посадка, он подходил к своему старенькому шестикрылому кукурузнику и, не обращая внимания на толпящихся в ожидании бабушек с котомками из глухих деревушек, хлопал аэроплан по крыльям, трогал тросы расчалок и вслух разговаривал сам с собой.

— Прилетели мягко сели, высылайте запчасти, фюзеляж и плоскостя. Как же ты нас повезёшь голубчик в последний путь?

— А что милоч? — настоуживались бабульки.

— Сами поглядите! Аэроплан-то латаный-перелетанный весь в заклёпках, только с капремонта пригнаги. Крылья и те проволокой перевязаны, — показывал он на антенны и расчалки. — Колёс не хватает, вон лыжи присобачили. В прошлый раз летели, смотрим, а винт в воздухе от самолёта оторвался и впереди нас вертится. Хорошо я не растерялся, газ до отката дал, самолёт рванулся, опять на пропеллер наткнулись, винт на своё место встал, так и долетели!

Бабульки судорожно крестились и наотрез отказывались лететь.

За многочисленные шутки списали его в бригады грузовых служб. Однажды грузили багаж в самолёт, а вылет несколько раз задерживался по метеоусловиям. Начался сильный дождь. Чтобы не намочить решил бригадир переждать прямо в багажном отсеке, что под пассажирским салоном, да прикорнул на чемоданах. Дождь кончился, дали добро на вылет. Бригада его не хватилась, думали ушел, и задраили люки. Проснулся шутник от тряски на взлётной полосе, понял что случилось, но замерзать на высоте, где за бортом минус сорок у него не было охоты, а самолёт взлетел. Тогда он отвинтил люк в крыше грузового отсека и полез в тепло к людям. Самолет уже коснулся облаков, стюардесса раздавала конфеты «взлётные», минералочку предлагала, вдруг дорожка на полу зашевелилась, стюардесса с воплем подносил с водичкой на пассажиров опрокинула, у пассажиров волосы дыбом, а из-под ковра вылезает мужик в лёгкой форме, оглядывает обезумевший салон, вытирает пот со лба и говорит облегчённо:

— Слава Богу, еле догнал!